

Национальная культура и христианский либерализм.

Об актуальности наследия И.С. Аксакова

Характеризуя особенности русской политической культуры, ее традиции, современные ученые, а вслед за ними и само общество, принуждены наследовать какую-то манихейскую картину миру с несводимыми оппозициями западничества и славянофильства, консерватизма и либерализма, национализма и космополитизма, традиционализма и прогрессизма. Мы действительно принуждены мыслить расколом русского мира – не только идейно-политическим и социальным, но историческим и даже культурно-цивилизационным. А в расколотом сознании открывается возможность оборотничества, по словам Ф.А. Степуна, сближения «вечерней зари чернеющего коммунизма и стремящейся к красному восходу монархической ночи»¹. Все это делает путь к свободе, осознанию ее духовно-нравственного и политического смысла еще более трудным. Оборотничество революции и реакции в расколотом обществе, их смертельные объятия стали сбывшимся фантомом русской истории XX века. В 40-е годы XIX в. об историческом расколе русской нации заговорили славянофилы, и если они, по словам А.И. Герцена, «не смогли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром, и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб тот скакал по нивам и давил людей, - то они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей».²

О чем сегодня заставляют нас задуматься жизненный путь и идейно-творческое наследие либерального славянофила И.С. Аксакова (1823-1886), как помнить этого человека – только как благородного и мужественного хранителя славянофильского учения - достойную уважения нравственную личность и талантливую публициста, по примеру К. Леонтьева? Или можно видеть нечто более важное в опыте Аксакова, признавая за ним значение

¹ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М., 2009. С. 324.

² Герцен А.И. Сочинения. Т. II. СПб., 1905. С. 427.

выдающегося деятеля отечественной истории и общественно-политической мысли? Справедливо ли будет ограничить его заслуги ролью младшего славянофила? Ведь, правда и то, что после кончины А.С. Хомякова и старшего брата Константина Сергеевича Иван Аксаков в буквальном смысле вменил себе продолжение дела наставников, понимая свою задачу как духовный сыновне-братский долг? Позже, по воспоминаниям В.С. Соловьева, его супруга Анна Федоровна (Тютчева), говорила об этой принятой на себя миссии даже с некоторым сожалением: «Иван Сергеевич человек идеальный; его славянофильская публицистика есть с его стороны какой-то подвиг смирения; конечно, при всей антипатичности этих славян, его деятельность имеет большое историческое значение; но я уверена, что по своим умственным и нравственным силам он был бы способен к делу более великому».³

Совершил ли это «более великое дело» Иван Аксаков? Как представляется, нужно пересмотреть отношение к И.С. Аксакову и увидеть в нем, по евангельскому выражению, камень во главе угла, одной частью строителей российской политической системы прежде не замеченный, а другой и вовсе отвергнутый. Под покровом славянофильских форм Аксаков сегодня открывается русским европейцем и одним из самых последовательных христианских либералов, который дал столь редкий пример единства теории и практики, по метким словам самого публициста, не мудрствовал жизнью, а ею жил. Поэтому обращение к его наследию в исследовательском плане есть, своего рода, процедура медиации, позволяющая снять дуальную оппозицию западничества и самобытничества, и всерьез говорить о национально-культурной версии либерализма, или, по определению П.Б. Струве, *консервативного либерализма*.

Пожалуй, именно Струве сделал первую попытку пересмотреть роль Аксакова в истории русской мысли. Он не только признал в нем первого «по специфической одаренности и значительности» русского публициста, но и

³ Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С.370.

настаивал на *либеральной идентичности* кумира своей юности. По словам Струве, Аксакову удалось сомкнуть славянофильское учение «с конкретными вопросами и запросами общественной и государственной жизни России».⁴ В его публицистике, имевшей «свой лад и свой стиль», кристаллизовалось идейная платформа национально-ориентированного либерализма, выстраивались отношения между свободной личностью и исторически складывающимся организмом нации: «Эта духовная музыка была гармонически проникнута двумя основными мотивами-идеями: идеей свободной личности и идеей себя сознающего и утверждающего народа, то есть идеей нации, в которую не может не быть погружена даже самая свободная личность»⁵.

Обращение Аксакова к категории культурной и гражданской нации свидетельствует в пользу либерального наклона социально-политических и культурфилософских идей. «Никто ни до, ни после него не говорил таким сильным и ярким языком русским людям о праве, свободе, государстве, народе и народности...Все, в чем выражалась сила и величие нации, - ее исторические достижения, духовные и государственные, ее историческое призвание, - находило себе красноречивого истолкователя в Иване Аксакове»⁶. И в этом, на наш взгляд, Аксаков выступает наследником не только славянофилов, но в соединении поэтического дара и гражданско-патриотического чувства наследником Пушкина – первого по значению русского европейца. Эта мысль яснее всего выражена у самого Аксакова в его речи о поэте. Центральное понятие аксаковского текста – жизненность, «неложность» искусства Пушкина, которое позволяет употреблять эпитеты «истинно русский», «истинно народный». Так в чем же истинность гения Пушкина, проявляющаяся и в наследнике Аксакове? Вот ответ, по Аксакову: «Историческое чувство, историческое сознание!... да ведь это значит, - продолжает он, – уважение к своей земле, признание прав своего народа на

⁴ Аксаков И.С. У России одна – единственная столица...М., 206. С.476.

⁵ Там же. С. 476.

⁶ Там же. С. 477.

самобытную историческую жизнь и органическое развитие; постоянная память о том, что пред нами не мертвый материал, из которого можно лепить какие угодно фигуры, а живой организм, великий, своеобразный, могучий народ русский, с его тысячелетней историей! Да не в том ли вся сумма наших бед и зол, что так слабо в нас во всех, и в аристократах, и в демократах, русское историческое сознание, так мертвенно историческое чувство»⁷. Диагноз Аксакова абсолютно точен: вне этого исторического чувства, правдивого и горького самопонимания своей культуры никакое строительство политической нации невозможно. Понимания горького и для самого выдающегося политического мыслителя и оратора, автора статей с говорящими за себя названиями «Отчего безлюдье в России?», «И любишь Русь – и не вольно спрашиваешь себя: за что ее любишь?», «Отчего так нелегко живется в России?»

Выскажем мнение, что аксаковскую версию либерализма справедливо считать национально-культурным либерализмом, для которого идея свободы лица неразрывно связана с идеей преемственности – исторической памятью народа. Она стоит в логической связи с формулой национального либерализма, к которой пришел Струве. И у Аксакова, и у Струве осуществление базовых либеральных принципов невозможно без трех важных условий – экономического развития, деятельного правосознания на основе признания прав и свобод, защищаемых государством, и, главное, нравственной работы самого общества. Настоящие фундаментальные принципы либерализма получают в лице Аксакова самого деятельного защитника, а по некоторым вопросам, таким как, свобода совести, свобода печати и самостоятельности суда – своего рода, крупнейшего теоретика и эксперта. Аксаков с его трезвым практическим умом не только оставил заметный след в экономической науке исследованием украинских ярмарок, но и принял участие в развитии банковского дела в России. Однако заслуги Аксакова в политэкономии все же стоят на втором плане. Самым важным

⁷ Аксаков И.С. У России одна – единственная столица...М., 2006. С. 283-284.

либеральным наследством младшего славянофила является *осуществленный синтез права и морали на основе ценностей христианской культуры*. Он раскрывает органический процесс становления правового самосознания в сложной духовно-нравственной работе общества и личности.

Как известно, в своей статье «В защиту права» Б.А. Кистяковский, участник знаменитых «Вех», талантливый русский правовед, назвал притупленность правосознания одной из болевых точек русской культурной традиции. Предметом критики, даже некоторой иронии Кистяковского стала и правовая концепция, точнее, ее отсутствие, у славянофилов, особенно у Константина Аксакова. Застарелое зло – отсутствие интереса со стороны русской интеллигенции к правовым идеям, это отсутствие, по словам Кистяковского, «какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа».⁸ Основу же прочного правопорядка составляет свобода личности и ее неприкосновенность. Казалось бы, рассуждает Кистяковский, у русской интеллигенции было достаточно мотивов проявлять интерес именно к личным правам. Ведь исторически главное положение в нашей политической системе при всех сменах эпох занимала личность⁹. При том, что активно разрабатывались различные формулы личности – критически мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религиозной и революционной, в России не произошло рождение личности правовой. «Но именно тут мы констатируем величайший пробел, так как наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала правовой личности. Обе стороны этого идеала – личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими, чужды сознанию нашей интеллигенции».¹⁰ На эту проблему отказа от права в пользу какой-то особой высшей правды обратил внимание в «Мыслях о России» и Ф.А. Степун: «Через всю историю русской религиозной мысли если и не

⁸ Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 2007. С.174.

⁹ Там же. С. 176.

¹⁰ Там же. С. 177.

красной линией, то все же красным пунктиром проходит домысел, что право – это могила правды, что лучше быть бьющим себя в перси грешником, чем просто порядочным существом, что быть хорошим человеком вещь вообще стыдная, ибо обладатель нравственных качеств нечто вроде капиталиста этической сферы, держателя своеобразных ценностей и привилегий...»¹¹.

Всеми своими делами Аксаков опровергает доминирующее мнение и практику пренебрежения к «вексельной честности» (К. Леонтьев) западноевропейского буржуа. Потому у Струве Аксаков охарактеризован не только как выдающаяся нравственная, но и *правовая личность*. «Вот почему, - пишет Струве, - Иван Аксаков был в одно и то же время борцом и за права человека и гражданина, и за национальное начало. Ему было присуще острое и тонкое чувство права, укорененного в правде, и глубокое, трепетно-восторженное ощущение соборного начала народности. В русской публицистике нет лучшей защиты свободы слова и совести, чем классические статьи на эти темы Ивана Аксакова»¹². Струве отсылает к аксаковской статье в газете «Русь» против цензурного ведомства и его бюрократической тупости. Под конец жизни Аксакова ведомство обвинило публициста в «недостатке истинного патриотизма». Этот сюжет об истинном и ложном патриотизме в связи с Аксаковым, наряду с сюжетом о процессе М.А. Стаховича против князя В.П. Мещерского, Струве будет вспоминать, когда подобные обвинения станут раздаваться в его адрес, особенно в эмиграции¹³.

«Глашатай права и правды» - вот, согласно Струве, формула правового сознания личности Аксакова, вырастающая в горизонте нравственных требований христианской совести. Конечно, в оценке Аксакова как правовой личности, можно услышать возражения. Главное из них – Аксаков не являлся сторонником конституционного строя. Каковы в этом случае аргументы духовного наследника славянофилов? Аксаков отчетливо понимал, что

¹¹ Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. М., 2009. С. 414.

¹² Аксаков И.С. У России одна – единственная столица... М., 2006. С.477.

¹³ См. Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). Юпитер и Юнона в одном лице. М.-Париж, 2004. С. 812.

институтов, опосредствующих отношение власти и народа, силовая модернизация Петра не дала. На западный манер петербургская бюрократия – это не политический институт, а, скорее, псевдозаимствование – тот самый превращенный вариант западно-европейской рациональности, в отчужденности от реалий жизни и вопиющей формализованности обнаруживающее свою иррациональную природу. Аксаков говорит, что ликования по поводу конституционного купола, венчающего реформы 60-х, не может быть, так как здания-то нет, а есть какой-то гнилой барак: «Наши газеты толкуют об увенчании здания. Да здания еще никакого нет. Только и стоят стены, прежней историей выведенные, - царь и народ, все остальное, нагроможденное в полтора века, с табелью о рангах и т.п., подлежит сломке, очищению. Это какие-то деревянные бараки, уже полусгнившие, беспрестанно перестраиваемые: коллегии, министерства и пр.»¹⁴. По Аксакову, в правовом поле находится только Царь и народ, а связующим их началом является моральная легитимность. Кроме Царя народ авторитета не знает. Высшей власти вменена категория личной ответственности, которая является рычагом управления. Институты же и рациональные принципы нужно выращивать. Аксакова можно понять именно в такой логике, что постепенно, с развитием и культурным возрастанием самого общества будет меняться и правовая строй. В 1883 г. Аксаков так и говорил – «надо оглядеться». Мысль эту он высказал корреспонденту «Нового времени» А.Н. Молчанову. Разговор состоялся у А.С. Суворина. Автор статьи в «Новом времени» выразил свою досаду на речь И.С. в СПб славянском Обществе после катастрофы – убийства Александра II. По его мнению, там был призыв к отрезвлению, но не было намека на то, к чему должно стремиться русское общество и что оно должно ожидать. И.С. добродушно признал, что Молчанов прав, но и он тоже прав, т.к. не знает, что сказать. Тогда Молчанов воскликнул: «а земский собор?» Аксаков ответил, что для этого в интеллигенции должен произойти поворот к утраченному понятию, что она

¹⁴ Аксаков И.С. У России одна – единственная столица...М., 2006. С. 419.

русская, сейчас же «надо стараться умалчивать о формах, чтоб дать время и свободу для оздоровления, иначе спор о формах остановит прогресс русской мысли. Поверьте, – добавил И.С. – что не формы, не законопроекты делают историю, а именно мысль и сознание в общественном уме»¹⁵.

Вот этого органического, по представлению Аксакова, пути культурно-политического развития России и ее исторического субъекта – нации – не произошло. Произошел цивилизационный срыв в архаику. А для Ивана Сергеевича в процессе соиздания гражданской нации важно было включить в нее народ. Это был своеобразный нравственный долг русской интеллигенции, ее историческое покаяние. Как писал В.В. Вейдле в «Трех Россиях»: «Россия, созданная Петром, кончилась покаянием, но не только за царевича Алексея и казненных стрельцов, а за Грозного, за Калиту, за призвание варягов. Сами варяги и каялись – за то, что Россия стала нацией, но не включила в нацию народа».¹⁶ Процесс включения народа как исторической личности в нацию требовал времени и глубоко продуманных действий. Если народ мог неправильно понять дарованную ему свободу, то просвещенный класс также мог представлять опасность и со стороны государственно-бюрократической машины царизма, и со стороны подражательной, полуевропеизированной интеллигенции. Аксаков же хотел идти путем Пушкина в ту русскую Европу, которую сам поэт, по словам В. Вейдле «очертил уверенной рукой». «Пушкинской отзывчивости им самим были поставлены пределы... и, однако, знание границ никогда не означало у него узости, и европеизм его был вполне свободен от основного изъяна позднейшего западничества: поклонение очередному изобретению, «последнему слову», от склонности подменять западную культуру западной газетной болтовней. Ему-то уж, конечно, были волне чужды «невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление

¹⁵ Аксаков И.С. У России одна – единственная столица...М., 2006. С. 417.

¹⁶ Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001. С.140.

перед своим веком, слепое пристрастие к новизне», эти признаки «полупросвещения», которые он так сурово осудил в Радищеве».¹⁷

Полупросвещение и отсутствие исторического сознания у русской интеллигенции, аристократов и демократов, названные Аксаковым злом в пушкинской речи, вели к революционной идеологии, которая уже прямо содержала в себе духовную реакцию. Аксаков увидел и предсказал историческую драму русской политической истории. Она состояла в том, что произошло резкое «полевенее» либеральной идеологии, в том числе и ее развоцерковление. Аксаков боялся и не принимал «проповедь неверия и отрицания под знаменем «либерализма» и «прогресса», считал ее «разлагающей нравственные основы бытия»¹⁸. Печально, говорил Аксаков, что «требование свободы совести или искренности в делах верования идет не от самой Церкви, а от государства и общества, в виде победы «современного прогресса» над Церковью»¹⁹. Для Аксакова очевидно было, что всякий либерализм без религиозной основы логически обращается в тиранию.²⁰ Он приводит пример Франции: одобряет государство, которое, по его мнению, совершенно право в борьбе с клерикализмом, но осуждает тот факт, что свобода совести становится предлогом для устранения самой идеи Бога, в том числе и в школьном образовании.²¹ Это узловой момент в признании Аксакова ярким представителем русского христианского либерализма. Чрезвычайно показательно, что в своем знаменитом выступлении на Миссионерском съезде в сентябре 1901 г. будущий октябрист, член Государственной Думы и Государственного Совета, орловский дворянский предводитель М.А. Стахович использовал именно аргументы И.С. Аксакова, защищая идею свободы вероисповедания. Более того, он не просто сослался на Аксакова, но сделал большие фрагменты его статьи практически прямой речью. «В самом деле, - цитирует текст Аксакова Стахович, - победа может

¹⁷ Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001. С.130.

¹⁸ Аксаков И.С. Сочинения в 7 т. Т. IV. Об отношении современного прогресса к христианству (по поводу статьи В.С. Соловьева «о духовной власти в России»). Русь, 5 декабря. 19881. М.. 1886. С. 199.

¹⁹ Там же. С. 198.

²⁰ Там же. С. 197.

²¹ Там же. С. 197-198.

остаться за христианской истиной, только тогда, когда защитники этой истины будут вполне ей верны и будут защищать ее единым соответственным ее достоинству орудием, когда они убедятся, что только в свободе суждения, в свободе совести, и воспользовавшись всею полнотою собственной свободы, они могут обрести необходимую им силу для победы над могуществом лжи и мрака, для одоления своих многочисленных и искусных врагов»²².

Требование свободы совести у Аксакова находилось в прямой связи с требованием свободы слова и печати. Главной заботой и самым насущным желанием Ивана Сергеевича было «укрепление нашей общественной почвы». Однако «одним из необходимых условий достижения этого блага есть духовная и нравственная свобода общественного развития, а такая свобода, в свою очередь, немислима без полной искренности слова устного и печатного».²³ Выдвигая свободу мысли и слова главным условием общественного развития, Аксаков сформулировал блестящий тезис, основополагающий для либерализма: «Свободно мнение в России есть надежнейшая опора свободной власти – ибо в союзе этих двух свобод заключается обоюдная крепость земли и государства».²⁴ По-сути в этой социально-политической формуле Аксакова можно видеть манифест консервативного, или национально-культурного христианского либерализма в той аутентичной российской истории форме, которую Аксаков знал и промысливал. Вот его развернутое суждение в подтверждение данного тезиса: «Стеснение печати есть стеснение жизни общественного разума – оно парализует все духовные отправления общества, осуждает все его действия на бессилие, удерживает общество в вечной незрелости... Государство не в праве требовать от общества никакой гражданской доблести, никакой

²² См. Речь М.А.Стаховича на “Миссионерском съезде” в Орле, в сентябре 1901 г. «Орловский вестник» 25 сентября 1901 г., № 254, а также Аксаков И.С. Собрание сочинений: В 7 т. Т. IV. «Современное состояние и задачи христианства – по поводу книги Гизо: Размышления о сущности христианской религии», «День» 15 августа 1864. М., 1886. С. 32.

²³ Аксаков И.С. Собрание сочинений: В 7 т. Т. IV. «Простор мысли и слова – необходимое условие для развития общества», «День» 6 января 1864. М., 1886. С. 407.

²⁴ Там же. Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместима с существующею у нас политической формою правления. День, 23 января, 1863. С. 401.

помощи и содействия, если духовная жизнь общества поражена таким духовным гнетом. Повторяем, никакие самоуправления, никакие реформы, никакие благодетельные законы не только не принесут добра, но даже и не привьются к общественной жизни, если общество будет лишено существенных условий жизни – свободы мысли и слова».²⁵

К несчастью для России власть не прислушалась к справедливому требованию общества. 27 августа 1882 г. были опубликованы «временные меры относительно периодической печати», которые привели к закрытию многих изданий. Но охранительная политика государства не способствовала умиротворению общества, напротив, она провоцировала его на радикальные действия. И здесь сбылось еще одно предостережение И.С. Аксакова, касающееся нравственной и умственной природы русской интеллигенции. Об этом с горьким сожалением, подводя итоги свершившейся исторической трагедии, написал в своем известном труде «Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника)» (1936) правый кадет В.А. Маклаков. По его мнению, освободительное движение, объявив в 1902 г. Самодержавию открытую войну «закончило деформацию русского либерализма»²⁶. Если бы в 1905 г. главный фронт борьбы был обозначен не против самодержавия, а за Россию, то все дальнейшие события пошли бы иначе. Однако передовая общественность была настроена совершенно иначе, и либерализм стал оппозиционной категорией²⁷. Оппозиционность, по словам Маклакова, «издавна развращала идеологию либеральной общественности; отчуждало от власти, заставляло в ней видеть природного врага и, как следствие этого, приучало к систематическому осуждению всех начинаний, исходивших от власти, к предъявлению к ней требований заведомо неисполнимых. Русский либерализм давно этим страдал, как

²⁵ Аксаков И.С. Собрание сочинений: В 7 т. Т. IV. М., 1886. С. 400.

²⁶ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника): В 3 ч. Париж. 1936. Ч.1. С. 242.

²⁷ Там же. С. 243.

профессиональной болезнью. Но “освободительное движение” все эти свойства либерализма усилило и обострило»²⁸.

Оценивая произошедшую трагедию, член ЦК кадетской партии Маклаков в эмиграции делает вывод: «Борьба, направленная на свержение самодержавия какой угодно ценой в союзе с какими угодно союзниками – оказалась такой развращающей школой, что либерализм вышел из нее неузнаваемым»²⁹. Он будет вынужден признать, что Освободительное движение уничтожило и похоронило прежний тип либерала, столь необходимого в этой ситуации.

Сегодня И.С. Аксаков предстает именно тем типом либерала, который, по словам Маклакова, был уничтожен и похоронен. Политически такой тип либерала оказался отброшен на пути «соединения либеральной тактики с революционной угрозой». Как известно, авторство этой стратегической линии русского либерализма парламентского периода принадлежит лидеру кадетов П.Н. Милюкову. Исторические последствия этой логики развития нам очевидны. Разумеется, не на классических либералах лежит полнота ответственности за срыв цивилизационного развития России, но они ее разделяют, о чем и было заявлено в «Вехах» - книге, названной В.В. Розановым книгой, «полной героизма и самоотречения». Революция и реакция взаимно подпитывали друг друга. Сбылись худшие опасения И.С. Аксакова, высказанные как предостережение по поводу отсутствия национального направления русской политики, которое для него выражалось в отказе от поиска органических для России форм развития государства и общества, как со стороны охранителей, так и со стороны либералов. «Опасность, - пишет Аксаков, - не в одном либерально-безнародном направлении, а столько же, если не более, в консервативно противонародном, представители которого принадлежат к так называемому высшему обществу (преимущественно в Петербурге) и к которому, к несчастью, придает

²⁸ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника): В 3 ч. Париж. 1936. Ч.1. С. 243.

²⁹ Там же. С. 243.

немалую силу опасение, впрочем вполне естественное и законное, замыслов и козней «крамолы»³⁰. Лучшее средство от крамолы, по мнению Аксакова, - национальная политика, т.е. в терминах славянофильства – эволюционное развитие народного самосознания.

Можно ли найти соответствующую славянофильской национальной политике формулу развития в либерализме? Да, можно. В терминах либерализма она будет означать *умеренный прогрессизм*. Именно данное направление социальной мысли венчает периодизацию отечественного мировоззрения и основных идеологий в книге «Национальный вопрос» П.Н. Милюкова (Прага. 1925). Характерно, что на последнем, пятом этапе Милюков сближает научный национализм (неославянофильство) и европеизм (эволюционный либерализм) конца XIX в. Получается, что в теории у политика Милюкова, одного из заметных историков русской культурной традиции, два направления как бы прорастают и взаимодополняют друг друга, обнаруживая имманентное сходство. Общность платформы он понимает в том ключе, что развитие России должно было привести к тем же культурным результатам, что и у западных стран. При этом заимствование усваивалось лишь тогда и в той степени, когда оно было подготовлено внутренними процессами. Тогда заимствования теряли свой внешний, принудительный характер и «входили органической частью в самый национально-исторический процесс»³¹. Согласно Милюкову, на данном этапе происходит установления тех положений, «которые устранили противоречие между идеями самостоятельности и заимствования, национализма и европеизма»³². Следовательно, в исторической перспективе противоречие между европеизмом и самобытничеством, западничеством и славянофильством снимаются.

Мысль Милюкова подтверждает Г. Флоровский. По его мнению, «славянофильство есть звено в истории русской мысли, а не только русского

³⁰ Аксаков И.С. У России одна – единственная столица... М., 206. С. 299.

³¹ Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. Т.2. М., 1994. С.62-63.

³² Там же. С.62-63.

инстинкта... И это было звено в диалектике русского «европеизма»³³. В основе русского европеизма И.С. Аксакова – пафос христианской свободы и христианского просвещения, которое понимает христианство как деятельное начало жизни общественной. И в своем толковании христианства, и в личном духовном опыте Аксаков был совершенно чужд тому направлению мирочувствования, которое Бердяев назвал русским соблазном «мистического народничества».³⁴ Аксакова, скорее, можно назвать духовным реалистом, христианином, чья вера определялась не только воспринятой традицией, но и работой богословствующего ума, для которого ценность свободы представляла не в виде абстрактной категории, а как непосредственный духовно-волевой, разумный опыт, формировавший нравственную гражданскую позицию. Говоря о народе, как историческом носителе национального чувства, Аксаков признавал силу духа, воплощенную в народной вере, но в его глазах народ, чтобы оказаться на высоте своего духовного задания, должен был возрасти в *осознанную историческую личность*. В этом смысле показательным аксаковское толкование двух важнейших понятий русской мысли того времени – общества и народа. Аксаков настаивает, что общество – это не сплошная масса в непосредственности быта или стихии, это «среда, в которой народ, через личное просвещение своих единиц, образует новое сознательное народное единство, новую духовную силу общественности. Этой силой мы не богаты, - замечает Аксаков, - а на нее-то и предъявляет запрос наша современная история»³⁵.

Не случайно и по своим взглядам, и по стилю поведения Аксаков оказался слишком либеральным для консерваторов, и слишком консервативным для левевших либералов. Показательны разногласия в оценке Аксакова среди известных консерваторов. Так, К. Победоносцев, постарался записать его в свой лагерь и стилизовать образ Аксакова под

³³ Флоровский, Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Киев, 1991. Репринт. С. 253.

³⁴ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т.2. М., 1994. С.429.

³⁵ Аксаков И.С. Сочинения в 7 т. Т. IV. М., 1886. С. 406.

охранителя существующего порядка, подозрительный же К. Леонтьев, напротив, под славянофильством всегда находил самый обыкновенный европейский умеренно либеральный образ мыслей³⁶.

Думается, сегодня можно дать ответ и «правым», и «левым», вполне подтвержденный самой историей. Например, в духе юбилейной оценки П.Б. Струве: «Есть только два имени, которые можно поставить с именем Ивана Аксакова. Это Герцен и Катков. Оба они были влиятельнее Аксакова в ту эпоху, когда они писали, но оба они, Катков вообще, Герцен как публицист, в известном смысле исчерпали себя в делании для своей эпохи».³⁷ Или теми словами, которые прозвучали на смерть великого сына России: «Нужно было иметь большой запас внутренней правды и энергии воли, чтобы так резко всегда говорить горькую правду правительству и обществу, и говорить в такое время, когда кругом царили мерзость и запустение, когда трудно было разобраться в событиях».³⁸

В самоотверженной любви к России, сочетавшей моральное требование права и правды, была вся сила личности И.С. Аксакова. Современная российская нация нуждается в его слове, как в слове самой русской культуры, выражающем исторический опыт взаимоотношения интеллигенции, власти и общества. Оно должно быть услышано, а аксаковская идея *национально-либерального синтеза* рассмотрена сегодня в качестве культурно-политической стратегии. Найти какую-то иную альтернативу, способную вписать национальную культуру в глобальный проект современности, вряд ли удастся. Она, вероятно, возможна, но уже без отечественной истории и вне христианской культуры.

³⁶ Леонтьев К. Славянофильство теории и славянофильство жизни /Восток, Россия и Славянство. М., 2007. С. 876.

³⁷ Аксаков И.С. У России одна – единственная столица... М., 2006. С.474.

³⁸ Там же. Протоиерей А.И. Баратынский. Памяти Аксакова. М., 2006. С.473.